

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК ПОСТАНОВКА ОСНОВНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Н. Л. Галеева

Тверской государственный университет

В статье рассмотрены исторические аспекты перевода как деятельности, его культуuroобразующая функция и основные проблемы, проявившиеся на ранних этапах развития переводческой деятельности.

Перевод в своей сущности представляет собой не только и не столько сугубо языковую процедуру по замене одного текста другим, сколько разного рода культурные переносы, заимствования и адаптацию. Одновременно он способствует формированию культур и языков, поэтому имеет смысл рассмотреть некоторые исторические аспекты перевода как деятельности, делая акцент именно на его культуuroобразующей функции, а также на том, какие из существенных проблем перевода как деятельности в разных аспектах проявились на его ранних этапах. Естественно, это были недискуссионные проблематизации, они были осмыслены как теоретические проблемы значительно позже. Более того, в лингвистической теории перевода многие из его существенных проблем не рассматривались вообще, поскольку перевод трактовался в ней достаточно механистически как замена одного текста другим, поэтому другие существенные обстоятельства, влияющие на перевод, в частности, статус самого оригинала, подлежащего замене, социокультурные особенности организации переводческой деятельности, возможность сосуществования разных переводов одного текста, не стали объектом научной рефлексии.

Перевод — один из древнейших видов деятельности, возникший одновременно с развитием межкультурных связей, но сведений о нем в дописьменный период, естественно, не сохранилось. Историю перевода принято отсчитывать с Древнего Египта, имевшего деловые контакты с окружающими культурами. Сведений о переводческой деятельности в доегипетский период, по всей видимости, не имеется, поэтому историю перевода начинают с Египта и Междуречья, поскольку именно там зарождается и формируется цивилизация в собственном смысле: там зарождается письменность, с которой и начинается история цивилизованного общества.

Следует напомнить, что возникновение древнеегипетской государственности относят к 3000 г. до н. э., а древнеегипетский язык сложился в IV тысячелетии до н. э. Сведений об устном переводе, естественно, не сохранилось, а к письменным источникам относятся иероглифические тексты на папирусе, причем преимущественно математические. На протяжении всей истории Египет вступал в контакты с иноязычными народами, что предполагало наличие перевода и переводчиков. Естественно, изначальной формой перевода был устный перевод, которым занимались по мере необходимости. С расширением международных контактов увеличивается необходимость в профессиональном переводе. Уже в текстах Древнего царства встречается слово «с», которое интерпретируется египтологами как «переводчик». Основные межъязыковые и переводческие контакты осуществляются с Двуречьем (шумерский и аккадский языки). После завоевания Египта Александром Македонским возникла потребность в переводчиках с греческого. Греческий историк V в. до н. э. Геродот писал, что в Египте существовало семь различных каст: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелкие торговцы, драгоманы (переводчики) и кормчие. Это свидетельствует как о наличии многочисленных международных связей, так и о почтении, с которым в Египте относились к переводчикам. Первым переводчиком, о котором остались достоверные сведения в истории, считается некто Анхурмес [2: 1993].

Следует отметить, что благодаря переводу как сопоставительной лингвистической деятельности, стала возможной расшифровка египетской иероглифики. В 1799 г. была обнаружена базальтовая плита с параллельной надписью на древнегреческом и древнеегипетском языках, известная с тех пор как Розеттский камень. Основываясь на компаративном анализе текстов, французскому египтологу Ф. Шампольону удалось расшифровать

надпись, что дало ключ к восстановлению древнеегипетского языка. В этом отношении перевод стал средством восстановления утраченного языка, причем это было не единичным явлением. Восстановление утраченных языков, а также освоение и введение в культуру редких и ранее не известных языков возможно во многом благодаря переводу. Интерес представляет и то, что Р. Якобсон позже назовет «внутриязыковым переводом» — перевод клинописи в иероглифику при смене письменности, который выполнялся самими египтянами. Очевидно, что все богатство проявлений перевода возникло и было известно уже в древности.

Изобретение шумерской клинописи относят приблизительно к 3300 г. до н. э. Письменными источниками шумерской цивилизации являются клинописные тексты на глиняных табличках на шумерском и аккадском (ассиро-вавилонском) языках, причем тексты отличались жанровым разнообразием, там были деловые документы, тексты законов, исторические записи, медицинские рецепты, словари, математические задачи, торжественные гимны, а также древнейшие научные и мировоззренческие тексты [4: 92]. К сожалению, последняя иракская война, по свидетельствам очевидцев, привела к фактической утрате огромного количества хранившихся в Багдаде древних глиняных рукописей. Все эти тексты в свое время посредством перевода способствовали быстрому развитию окружающих культур. Перевод при этом с самого начала выступает как быстрый способ цивилизационного развития культур, позволяющий за счет заимствования пополнять и увеличивать их потенциал.

Интересным феноменом в этом отношении стало развитие перевода в Шумерской цивилизации, которая стала билингвальной, поскольку в 2024 г. до н. э. она была захвачена аккадскими завоевателями. Эта переводческая ситуация описана Х. Вермеером [9]. Шумерский язык, который не удалось отнести ни к одной из известных языковых семей, в ситуации вынужденного двуязычия остался языком высшей цивилизации, на котором были написаны главные тексты шумерско-аккадской культуры. После захвата шумеров аккадцами эти тексты были переведены на аккадский, язык семитской группы, который был абсолютно не похож на шумерский, принадлежал к иной языковой группе, хотя в нем использовалась клинопись, которая была заимствована у шумеров. При этом шумерский оригинал в двуязычной культуре оставался образцом, при котором перевод считался бледной копи-

ей, причем перевод рассматривался не как эквивалент оригинала в принимающей культуре, а как его вынужденное дополнение для малограмотных аккадцев. Фактически перевод существовал при оригинале как его вынужденный и весьма неравноценный слепок. Так начало формироваться отношение к переводу как к бледной и неравноценной копии оригинала, которое иногда встречается по сей день, несмотря на то что для большинства реципиентов оригинал на не известном им языке недоступен.

Мнение о том, что оригинал всегда выше перевода и фетишистское отношение к нему, зародившееся еще в переводческие практики древности, до сих пор существует, хотя в лингвистической теории перевода это положение рассматривается скорее как аксиома, поскольку никто никогда не брался ее ни доказывать, ни опровергать. Между тем на основании этого молчаливого допущения выросла теория эквивалентности, где перевод понимается как большее или меньшее, но практически недостижимое приближение к оригиналу — отношение, которое, как видно, зародилось еще в древности, хотя имеются случаи, когда перевод качественно превосходит оригинал. При фетишизации оригинала такие случаи необъяснимы и остаются незамеченными.

По-видимому, и многие другие переводческие проблемы, которые предстояло решать на протяжении десятилетий, сформировались уже в древности и отдельные фрагменты рефлексии над ними, которые представляют собой зачатки если не переводческой теории, то переводческой проблематики, возникли с самых начал переводческой деятельности. Естественно, что никакой теории в то время не возникло, но многие проблемы в силу их практической остроты, связанной с необходимостью как межкультурной коммуникации, так и построения собственной культуры, требовали решения или хотя бы постановки.

Культура Древней Греции (а также Индии, Китая, Ближнего Востока) с точки зрения отношения к переводу (хотя это далеко не единственный фактор, определяющий их уникальность) по праву может быть отнесена к числу *первичных культур*, которые были самодостаточны и в силу этого индифферентны к переводу. Перевод там не играл значимой роли, поскольку эти культуры формировались в большой мере самостоятельно и не испытывали потребности в посторонних влияниях, скорее наоборот, они обладали значительным потенциалом для влияния на другие культуры. Куль-

туры Древней Греции, Индии, Китая, Шумерская цивилизация изначально развиваются по-разному, не оказывая значимого влияния друг на друга, что в дальнейшем приводит к формированию основных культурных ареалов: *европейской культуры*, выросшей из древнегреческой; *ближневосточной*, основанной на ценностях, выработанных в шумерско-аккадской культуре, и *дальневосточной* с центром в Китае. Вся условность такого разделения несомненна, поскольку в качестве главной и исходной предпосылки исторического развития культур избирается положение о взаимном влиянии культур, их неразрывной связи друг с другом.

Кроме того, эти основные типы культур характеризуются ориентированностью на разные сакральные тексты, которые в свое время стали *центральными текстами культур*. Европейская цивилизация ориентирована на Библию, ближневосточная — на Коран, дальневосточная — на буддийские тексты, которые первоначально появились в Индии на санскрите и других древних языках. Следует отметить особое положение и особую роль, которую играет Индия, по-разному повлиявшая на развитие основных мировых культурных ареалов. Центральные тексты при этом играют объединительную роль для формирующихся вокруг них культур, являясь своего рода метатекстами для метакультур, они задают пространство и тип культурного сознания и мышления.

Введение понятия *первичной культуры* представляется важным для культуроориентированной теории перевода, поскольку оно позволяет объяснить взаимное проникновение и влияние культур посредством наличия либо отсутствия перевода. Первичность культуры как отсутствие посторонних влияний, несомненно, относительна, поскольку хронология, принятая в наше время, показывает, что временная и территориальная близость не могла не приводить к взаимодействию ряда близлежащих культур. Возможно, многие следы их влияния друг на друга просто утрачены, поэтому с точки зрения современности они функционируют как вполне независимые культуры.

Греческую культуру можно, безусловно, отнести к числу первичных, задающих все значимые ценности европейской культуры. Из греческих идей в совокупности с идеями центрального текста культуры — Библии — сложилась вся современная западная культура, на них основана современная европейская философия. Греческая идея государственного устройства, демократии в настоящее время приобретает глобальный характер и полага-

ется разумной формой для цивилизованного существования. При этом следует отметить, что все существенные идеи распространялись в Западной культуре посредством перевода. Западная культура, зародившись в Греции, впоследствии сама приобрела переводческие черты, живя в постоянном воспроизводстве и трансляции, поскольку основной способ формирования локальных культур внутри Западной макрокультуры — перевод в его разных проявлениях.

Греческая цивилизация заложила такой мощный культурный потенциал, что его можно было заимствовать и воспроизводить, основывая на нем другие культуры. Это заимствование производилось посредством перевода. Греки практически не занимались переводом, они создавали культурные ценности. Последующие культуры, в частности Римская, уже не имели необходимости в такой мощной культурной деятельности, они имели возможность быстро создать собственную культуру, через перевод приобретаемая все имеющиеся основополагающие ценности. Остальные европейские культуры также развивались при непосредственном участии перевода. Эти тенденции, зародившись в древности, доминируют в Западной культуре и по сей день. Западная культура, имеющая тенденцию к развитию и дальнейшему самораспространению посредством перевода, в целом склонна к трансляции всех своих ценностей и идей в окружающий мир, даже в те его регионы, которые с точки зрения перевода организованы принципиально иначе. В этом отношении Западная культура представляет собой трансляционный тип культуры, склонный к культурному развитию и самораспространению посредством перевода.

Восточная Европа получила греческое наследие через Византийскую культуру, восприняв православное христианство, а Западная Европа преимущественно ориентируется на Римское наследие и религиозную католическую традицию. Влияние греков на Западную Европу в большой мере опосредовано Римской культурой. Следует помнить, что, несмотря на то что демократические идеалы и ценности зародились в Греции, демократия там носила весьма ограниченный характер, культурными ценностями могло пользоваться весьма ограниченное количество свободных граждан, и культура носила элитарный, кружковый характер. Греки называли все другие народы варварами, т.е. не имеющими цивилизованного языка, сами неохотно изучали иностранные языки и не имели нужды в переводах, поскольку в Греции сложилась

богатейшая литература, которая сама оказала влияние на становление культур других народов, в первую очередь на становление Римской империи и через нее на дальнейшее формирование Европы. Культурозначимый перевод в Греции не был развит: в нем не было потребности, поскольку все необходимые культурные ценности вырабатывались самими греками. Об устном переводе, которым, естественно, пользовались греки, в силу вполне очевидных причин ничего не известно.

После завоевания греческих земель римскими варварами греческий язык первое время не был вытеснен латинским, на греческом писалась, в том числе, и первая история Рима. Латинский язык формировался при сильном влиянии греческого, используя не без влияния перевода, его грамматические и синтаксические принципы. Большое влияние на формирование латинского языка оказали переводы Библии с греческого на латынь. В то же время культурная часть римского населения была билингвальной и пользовалась как латинским, так и греческим языками. Становление латинского языка и Римской культуры было непосредственно связано с переводческой деятельностью, причем в разных ее ипостасях. Здесь наблюдаются те переводческие тенденции, которые прослеживаются в разных европейских культурах и по сей день.

Наряду с непосредственным переводом — трансляцией — в разных сферах культуры производится то, что можно назвать культурным переносом — традукцией (*traductio* A. Lefevre). В частности, при создании Римской мифологии, основанной на греческой традиции, как известно, имена греческих богов заменялись на римские, поскольку заимствовался, переносился сам принцип пантеизма и сюжеты, при этом не было нужды в буквальной трансляции греческой мифологии. Римские переводчики «убирали имя поэта и заменяли его своим собственным — чувствуя себя не ворами, а осознавая величие *imperium Romanum*» [7: 68]. В III в. до н. э. на латинский язык была переведена «Одиссея» Гомера, ставшая «Улиссом». «Одиссея» была сильно адаптирована к римским традициям. По сути, при этом в принимающей культуре создается *текст-аналог* (А. Лефевр), обслуживающий культурные потребности принимающей культуры, верность оригиналу при этом не считается необходимым качеством. И здесь, в отличие от той тенденции, которая была упомянута ранее, и которая заключалась в фетишизации оригинала, намечается противоположный подход — отсутствие внимания к оригиналу. Этот

подход был распространен в Западной культуре вплоть до XX в. и связано это было с необходимостью развития европейских культур. Каждая культура была заинтересована в развитии «своего» в культуре, поэтому любое «чужое» бралось как «свое», в том виде и с теми изменениями, которые были необходимы принимающей культуре.

На рубеже XX в., когда практически все культуры были сформированы, перешел резкий перелом в переводческих предпочтениях. Теперь культурам стало необходимо «чужое» как оно есть, оно уже не могло значимым образом модифицировать принимающую культуру, поэтому возрастает интерес к точности, адекватности и эквивалентности перевода, которые находятся в центре внимания лингвистической теории перевода. Однако использование этих категорий не позволяет теоретически объяснить многие века переводческой деятельности, когда о точности, по крайней мере в светском переводе, не могло быть и речи, тем не менее перевод существовал. В рамках лингвистической теории перевода эти переводы-адаптации, переводы-аналоги не находят места и фактически находятся за пределами научного контекста. К ним относятся с недоумением, считая переводческими неудачами или переводами, сделанными неумелыми и непонимающими переводчиками. В действительности, многие из этих переводов были сделаны талантливыми авторами, а переводы «по мотивам», как они часто позиционировались в культуре, представляли собой вид культурного соревнования одного автора с другим. Поэтому многие из этих переводов представляются в принимающей культуре интереснее оригинала и, во всяком случае, интереснее буквальных и точных переводов.

А. Лефевр считает культурный перенос, заключающийся в создании текста-аналога, важным культуурообразующим фактором, который использовался, очевидно, большинством культур на ранней стадии их развития, когда можно было «сэкономить» за счет «свернутого» чужого культурного продукта [6: 76—89].

В период формирования культур тексты-аналоги создаются в разных культурах: разделение «своего» и «чужого» в них порой затруднено и не представляется возможным, на что неоднократно указывал, в частности, В. М. Жирмунский. Следует оговориться, что вопрос о «пределах, в которых приложима гипотеза заимствований» мотивов и сюжетов так и остался неизученным, хотя ставился еще А. Н. Веселовским. «Простейшие мотивы... могли самозарождаться, серии мотивов — сюже-

ты — возбуждают при их сходстве, вопрос о заимствовании с той или другой стороны», при этом «заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречное течение, сходное направление мышления, аналогичные образы, фантазии» [Цит. по 3: 102]. С другой стороны, классик сравнительного литературоведения В. М. Жирмунский [3: 206], полемизируя с А. Н. Веселовским, писал, что «наличие в эпосе разных народов типологически сходных тем, последовательно развертывающихся в типические сюжетные схемы, при отсутствии более специфически сходных деталей разработки не может, вопреки широко распространенной практике, служить достаточным основанием для историко-генетических связей». Таким образом, хотя ни одна из гипотез не доказана, поскольку отсутствовала письменная фиксация текстов, более вероятным и доступным способом развития культуры представляется заимствование путем культурного переноса и создания текста-аналога.

Вероятнее всего многие тексты-аналоги создавались таким образом, чтобы максимально скрыть свою генетическую связь с исходным текстом: в этом была заинтересована принимающая культура, стремящаяся к самобытности и непохожести на других. Меньше всего такие тексты стремились быть похожими на перевод, поскольку это автоматически делало в то время принимающую культуру менее авторитетной, чем исходная.

Адаптационный перевод, перевод-аналог получил наиболее широкое распространение в Риме (и далее во всей западной культуре), что дало некоторым ученым основание считать Римскую литературу и культуру в целом эпигонским слепком греческой культуры. В редакторском комментарии к хрестоматии по переводу Л. Вентути [8: 14] полагает, что «римские авторы пытались нажить капитал на культурном престиже Греции, подвергая греческие тексты разным видам перевода и адаптации. Таким образом они имплицитно выражали восхищение ими, тем не менее агрессивно их переписывая, чтобы создать собственную латинскую литературу». Автор говорит об «одомашнивании» (domestication), ассимиляции иностранных литератур и их адаптации к лингвистическим и культурным ценностям принимающей культуры. Импульс, полученный от греческой культуры, дал возможность Риму развиваться вполне самостоятельно и достичь огромных высот в литературе, риторике, других разделах словесности и гуманитарного знания (Римское право, труды по риторике Квин-

тилиана). Известные ораторы Рима Цицерон, Плиний, Квинтилиан рассматривают перевод в том числе и как дидактическое упражнение. В *De optimo genere oratorum* Цицерон пишет, что переводил речи греческих ораторов не как переводчик, «а как оратор, сохраняя те же идеи и формы, те же «фигуры мысли», но языком, который привычен для нас. При этом я не считал необходимым переводить слово словом, а передавал общий стиль и силу языка» [Цит. по 8: 14].

Посредством перевода в Римскую культуру транслируются целые жанры, после чего в соответствии с воспринятыми жанровыми требованиями создаются оригинальные произведения уже на римском материале. Трудность как заимствование жанров и способов текстопостроения является одним из способов культурного обогащения, при этом переводятся не только собственно тексты, но и текстовые формы как феномены культуры. Переводом занимались Цицерон, Гораций, который в произведении «Об искусстве поэзии» дал стихотворное описание деятельности переводчика:

«Общее это добро
Ты сможешь присвоить по праву,
Если не будешь ты с ним брести по протоптанной тропке,
Словом в слово долбя как усердный толмач-переводчик,
Но и не станешь блуждать подражателем
вольным, покуда
Не заберешься в тупик, где ни стыд, ни закон
не подмога»

(Пер. М. Гаспарова).

Выделенная строка текста (в оригинале «Nec verbum verbo curabis reddere fidus interpres»), как пишет Н. К. Гарбовский [1: 98—100], неоднократно приводилась последующими поколениями переводчиков и теоретиков и интерпретировалась ими, поскольку это место действительно допускает двоякое толкование: либо как обращение к переводчику и совет ему не переводить буквально («верный переводчик»), либо как сравнение (у М. Гаспарова).

А. Лефевр и С. Басснетт приводят еще одну интерпретацию этой строки, говоря о «модели перевода Горация». «Fidus interpres был верен не тексту, а своим заказчикам... Тот был «верным переводчиком», кому доверяли, кто выполнял работу вовремя и к удовлетворению обеих сторон» [5: 3]. Если принять такое толкование этой строки, а семантика слова в разных языках вполне это допускает, то следует признать, что прагматический ас-

пект переводческой деятельности проявляется в ней как непереносимый атрибут с самого начала, причем прагматический аспект — желание угодить заказчику — часто вступает в противоречие с другим значением *fidus*, а именно «верностью» тексту. Очевидно, это один из случаев креативной многозначности, когда разные толкования допускают возникновение различных, равно продуктивных трактовок. Так, давний спор теоретиков о том, какой перевод, семантический или прагматический предпочтительнее, восходит к возможности двоякого толкования слова *fidus* — «верный». В пользу версии Лефевра-Баснетт говорит и то, что переводчик назван *interpres*, т.е. «устный переводчик» — переводчик, который действительно может, а иногда и должен прагматически адаптировать исходное содержание. Следов деятельности устных переводчиков древности по вполне понятным причинам не сохранилось, однако можно предположить, что эта разновидность перевода изначально была ориентирована на достижение прагматического эффекта и в этом отношении вполне соответствует тем установкам и рекомендациям, которые разрабатываются относительно устного перевода в наше время. Таким образом, и в этом аспекте деятельность переводчика древности демонстрирует установки, которые активно разрабатываются и внедряются современными теоретиками и практиками перевода.

В античности был распространен перевод художественной литературы, преимущественно с греческого на латынь, поскольку в античной цивилизации создаются значительные художественные тексты. Они имеются и в других культурах, однако их переводы не приобретают широкого распространения в силу отдаленности культур и языков, а также территориальной отдаленности, что в древности было одним из решающих факторов культурного взаимодействия. Таким образом, перевод в древнем мире послужил важнейшим культурообразующим фактором: ряд культур начинали свое развитие под его влиянием (Рим, позднее большинство стран Восточной и Западной Европы, Япония, другие страны Юго-Восточной Азии, развивавшиеся под влиянием индийской и китайской культурных традиций).

Итак, относительно переводческой деятельности Римская культура представляет собой иной по отношению к древнегреческой цивилизации тип: тип, складывающийся в большой мере благодаря переводу в той или иной его форме. У римлян, пользующихся богатейшей греческой культурой,

не было необходимости создавать абсолютно новые духовные ценности, они могли пользоваться той культурой, которая имела у захваченного народа. Такой способ культурного заимствования, когда культура в большей части создается за счет перевода, вполне типичен для истории культур, хотя ему не уделяется достаточного внимания, особенно после немецких романтиков, которые придали гипертрофированное значение национальному в культуре, практически игнорируя все сторонние влияния. Представляется, что история культур должна изучаться интегрировано, с учетом всех влияний, которые культура испытала в течение своего развития. Только это обеспечит объективность в изучении культуры. Этот подход в значительной мере предполагает рассмотрение участия переводческой деятельности в формировании каждой отдельной культуры.

Итак, еще в древности практическая переводческая деятельность демонстрирует все черты и приводит к постановке тех же проблем, которые характеризуют ее и по сей день. Самыми существенными из этих проблем, которые до сих пор интересуют теоретиков и практиков перевода, являются выработка отношения к тексту оригинала, соотношение оригинала и перевода, возможность вариативных переводческих решений, соотношение точности и адаптационных тенденций в переводе. Представляется, и вся история переводческой деятельности является этому подтверждением, что ни один из этих вопросов не имеет однозначного и непротиворечивого решения. Вопрос о характере перевода каждый раз должен решаться с учетом множества факторов, имеющих ситуационный, социокультурный статус, особое соотношение с переводческими традициями в данной культуре.

Особый состав переводческих проблем и решений был задан в переводах Библии. Характер их решения в отличие от светского перевода определялся тем обстоятельством, что у перевода сакральных текстов всегда имелся сильный контролирующий и сдерживающий фактор в виде церкви, которая определяла переводческие тенденции и декларировала свою верность букве оригинала. Однако различие переводов, особенно принадлежащих разным конфессиям, свидетельствует, что перевод ни в коем случае не является механической процедурой замены одного текста другим и переводческие проблемы являются не только и не столько языковыми, сколько мировоззренческими и социокультурными. Отметим также, что тенденции в светском и сакральном переводе принципиально

различаются и сакральный перевод заслуживает отдельного и особого рассмотрения в его соотношении с заданными сакральными установками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарбовский Н.К.* Св. Иероним — покровитель переводчиков / Н. К. Гарбовский // *Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода.* — М.: МГУ, 2001. — С. 92—108.

2. *Семенец, Панасьев.* История перевода. / Семенец, Панасьев //— Киев: Наукова думка, 1993. — 365 с.

3. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. / В. М. Жирмунский //— Л.: Наука, 1979. — 493 с.

4. *Чаньшев А.Н.* Курс лекций по древней философии. / А. Н. Чаньшев //— М.: Высшая школа, 1981. — 248 с.

5. *Lefevere A., Bassnett S.* Introduction. Where are we in Translation Studies / S. Bassnett, A. Lefevere // *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation.* — Clevedon etc. Cromwell Press, 1998. — P. 1—11.

6. *Lefevere A.* The Gates of Analogy: the Kalevala in English // S. Bassnett, A. Lefevere *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation.* — Clevedon etc. Cromwell Press, 1998. — P. 76—89.

7. *Nietzsche F.* Translations // *The Translation Studies Reader* / Ed. by L. Venuti. — N.Y.; L.: Routledge, 2004. — P. 67—68.

8. *The Translation Studies Reader* // Ed. by L. Venuti. — N.Y.; L.: Routledge, 2004. — 541 p.

9. *Vermeer H.* Skizzen zu einer Geschichte der Translation. Frankfurt / M.: Verlag, Vol. 1, 1992. — 312 s.